

ВОЛНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ в истории России

К обсуждению гипотезы

В.И. Пантин, В.В. Лапкин

ПАНТИН Владимир Игоревич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН; ЛАПКИН Владимир Валентинович, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН.

Обозначившийся переход наиболее развитых обществ к историческому времени постмодерна заставляет по-новому рассмотреть модернизацию — как происходившую в прошлом, так и незавершенную для многих обществ по сей день. Дело в том, что понять механизмы, лежащие в основе трансформации современного общества в постсовременное [1](#), едва ли возможно без попыток концептуализации процессов осовременивания на более высоком уровне знания и с использованием вновь накопленного эмпирического материала. Вполне конкретный, а не отвлеченный смысл этой проблемы подтверждают довольно многочисленные исследования специфики эволюции ряда “новых индустриальных стран”, которые сравнительно недавно вышли из эпохи традиционного общества и сразу же оказались в состоянии перехода к постмодерну, а также, например, Японии (начало ее весьма поздней модернизации относят ко времени после “революции” Мэйдзи). Для всех них переход к постмодерну стал непосредственным продолжением движения к современности, и оба процесса сейчас переплетены и взаимосвязаны. На наш взгляд, подобное совмещение “парадигм” развития свойственно и России, модернизация которой, вместе с тем, продолжает обнаруживать особенности, отличающие ее от других. В этом отношении российский постмодерн — как особого рода гетерогенность и неопределенность эволюционных тенденций, некий коллаж эпох — предстает скорее в виде незавершенного или, по крайней мере, неклассического модерна, отягощенного последствиями сложного и мучительного становления, а также неорганичным и непоследовательным характером преодоления традиции [2](#).

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Одна из важнейших особенностей российской модернизации состоит в том, что в России традиционное общество с его сословиями, общинным укладом и основанная на автократии политическая система, а также адекватный всему этому ценностной строй были разрушены, но дальнейшая эволюция так и не привела к образованию политического, экономического и социокультурного порядков, которые бы соответствовали парадигме современного общества. В результате российская полития длительное даже по историческим меркам время переживает столь беспрецедентные превращения, что они далеко не всегда вписываются в “классические” модели модернизации в самых различных вариантах. Следовательно, любая попытка изучения российских модернизационных процессов требует нового обращения к общей теории модернизации для переосмысления и развития некоторых ее положений, с тем чтобы расширить ее эвристический потенциал. (В этой статье мы ограничимся рассмотрением политической составляющей российской модернизации.)

Известно, что теория модернизации складывалась в 50 — 60-е годы XX в. [3](#) как одна из теорий общественно-исторического развития, согласованных с парадигмой прогрессивных изменений, очерченной философией Нового времени. Под модернизацией как таковой понимаются не обязательно синхронизированные глубинные преобразования в экономической, политической и ценностной системах общества, происходящие вследствие того, что Парсонс называл промышленной, демократической и образовательной революциями [Парсонс 1997]. Изначально сильной стороной еще далеко не вполне оформленной теории модернизации был ее

междисциплинарный и, в определенном смысле, целостно-обобщающий характер: при анализе структурных изменений, происходящих в состоянии перехода от традиционного к современному обществу, специфика политических и экономических трансформаций увязывалась с проблемами изменения самого человека, его представлений, ценностей, ориентаций и способа взаимодействия с себе подобными.

На ранней стадии разработки теории модернизации ее сущностными чертами были универсализм (эволюция общества рассматривалась как всеобщий, или универсальный, процесс, имеющий одни и те же закономерности и этапы для всех цивилизаций, стран и народов) и представление о линейно-поступательном характере общественного развития в целом. В этом отношении она как бы восприняла господствовавшие в марксистской теории взгляды на смену общественно-экономических формаций (речь идет об определенной трактовке марксизма, преобладавшей в 1950 — 1970-е годы, а не о том, что универсализм и утверждение о линейности общественного прогресса имманентно присущи марксизму как таковому). Такое уподобление не было случайным, поскольку различные теоретико-методологические версии модернизации во многом первоначально формировались в виде ответа на вызов (нео)марксизма и в связи с этим вольно или невольно воспроизводили некоторые черты теории общественно-экономических формаций.

Однако довольно скоро выяснилось, что линейно-поступательная модель модернизации не способна аналитически отразить реальные преобразования в осуществлявших переход от традиционного к современному состоянию обществах Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и других регионах мира. Позднее эта неадекватность линейно-поступательной модели подтвердилась и на опыте стран Восточной Европы и республик бывшего СССР. Накопленный эмпирический материал свидетельствовал: процессам политической модернизации многих обществ, как правило, присущи ускорения и замедления, своего рода “волны”, специфическим образом их ритмизирующие в каждом конкретном случае. Более того, как показал А. Турен, фазы модернизации могут сменяться фазами контрмодернизации и антимодернизации, которые этот автор определял как реакцию на неорганичные для политико-культурного развития той или иной страны попытки трансформации ее политической системы [Touraine 1988].

Анализ хода осовременивания политической системы как волнообразного, а не линейно-поступательного процесса представляется особенно продуктивным в случае описания эволюционной схемы России, в истории которой волны относительной либерализации неоднократно сменялись волнами антилиберальной контрмодернизации, реформы — контрреформами, ориентация на переживший свою демократическую революцию Запад — воспроизведением политических традиций деспотий Востока или самоизоляции с построением очередного “железного занавеса”, а дифференциация и усложнение политической системы — упрощением и усилением ее единообразия и т.д. Недаром выдающийся русский ученый-историк Е.Е. Яшнов констатировал “ту почти математическую правильную повторяемость до чрезвычайности однокачественных циклов”, которая наблюдается, по его мнению, в истории России и Китая [Яшнов 1933: 56]. Если согласиться с нашим исходным тезисом о волнообразном характере политических преобразований в России, то современные реформы представляют собой не итог модернизационного процесса, насчитывающего чуть менее трех веков, и не отступление от его общей логики, а важную фазу одного из его циклов, за которой просматривается следующая ей в противофазе волна в качестве своеобразной реакции на нынешнее состояние и направленность эволюции общества. В связи с этим целесообразно более глубоко рассмотреть генезис и некоторые особенности волновых циклов политической модернизации в России, а также их значение для развития отечественной политики в настоящем и ближайшем будущем.

Как и каждый конкретный случай модернизации общества, этот процесс в России обладает, наряду с общими характеристиками, также специфическим набором отличительных свойств. Среди них прежде всего выделяется необычайная длительность, растянутость во времени российской модернизации. Если согласиться с Л.В. Поляковым и другими исследователями, утверждающими, что традиционным российское общество было вплоть до середины XVII в., и начальная (либо

предварительная) фаза его политической модернизации пришлось на вторую половину XVII в., то получается, что данный процесс насчитывает уже по меньшей мере три века и все еще далек от своего завершения [см., напр. Поляков 1997]. Впрочем, в литературе есть и такая точка зрения, что ранняя стадия модернизации России вообще синхронизируется с западноевропейской [см. Янов 1997].

Для сравнения можно привести пример Китая, начало модернизации которого специалисты относят только к концу XIX в., либо стран Латинской Америки и Индии, где развитие политических преобразований насчитывает около двух веков. Длительность движения других незападных обществ от традиционного к современному состоянию еще меньше. Понятно, что особенная временная растянутость и незавершенность модернизации российского общества сами по себе требуют интерпретации, которую мы попытаемся дать несколько позже.

Следующая особенность осовременивания российской политики состоит в исключительной, в сравнении с другими страновыми и/или цивилизационными ареалами, роли государства в инициировании, определении направленности и осуществлении модернизационного процесса на всех его стадиях. Разумеется, государство играет весьма активную роль в модернизации любого общества, являясь ее проводником и своеобразным гарантом. Однако в России государство (и прежде всего верховная власть), как правило, настолько жестко контролирует процесс модернизации, что он предстает как цепь своеобразных “революций сверху”, которые не только осуществляются зачастую силовыми методами и вопреки устремлениям основной общественной массы, но и по природе своей оказываются неорганичными политической и социокультурной специфике России. В результате успешное реформирование одних сфер общественной жизни сопряжено с застоём или даже упадком других.

Роль государства в России во многих отношениях отличается как от роли государства на Западе, так и от функций традиционной деспотической власти на Востоке. С одной стороны, российское государство есть сила, инициирующая эволюционные изменения, а с другой — представляет собой инертную структуру, мало соответствующую природе глубинных социальных преобразований как таковых и блокирующую естественное разрешение назревших противоречий. Не раз в российской истории реформы подводили страну к политическим и социальным потрясениям, к периодам “смуты”. Кроме того, монополия государства на осуществление модернизационного процесса оборачивается еще одним обстоятельством весьма негативного свойства. Модернизация посредством “революции сверху” не учитывает социокультурную специфику страны, рассматривая некоторые ее характеристики как подлежащий упразднению анахронизм, а внедряемые насильственно “западные” элементы современности деформируют либо даже разрушают системную целостность сложившейся цивилизации. В модернизационных усилиях государства общество, хозяйственный строй, культура и т.п. всякий раз выступают лишь в качестве объекта преобразования, но никогда — в качестве его опоры или стимула к изменениям. Их активный потенциал оказывается невостребованным. Накопленные за предшествующий период культурные и экономические силы общества отрицаются как ненужные, отжившие, негодные для дела обновления. Со значительной долей уверенности можно утверждать, что государство само удерживает общество в своеобразном переходном состоянии от традиции к современности.

Следующая, связанная с предыдущей, особенность модернизационного процесса в России состоит в периодически выражающейся разнонаправленности процессов модернизации государства и модернизации общества. Из-за неразвитости гражданского общества и исключительной роли государства в России, широкие общественные преобразования постоянно подменяются модернизацией самого государства либо только тех сфер, к которым оно имеет непосредственное отношение, — его военной мощи, бюрократического аппарата, репрессивных органов, государственного сектора экономики и т.п. В итоге задачи форсированной военно-индустриальной модернизации, усиления державного могущества часто решаются за счет контрмодернизации и даже частичной “архаизации” общества как такового, которое впадает в состояние стагнации. Пожалуй, именно в России это расхождение

модернизационных процессов в государстве и обществе становится столь сильным, что внедрение современных и даже наукоемких производств в военизированных отраслях государственной экономики может происходить за счет восстановления тотального коллективизма и деиндивидуализации социума, ликвидации частной собственности, сворачивания интенсивного развития в пользу экстенсивного и других подобных процессов, усиливающих характеристики не современности, а скорее архаичности (или псевдоархаичности) общественной эволюции [см. Поляков 1997]. Игнорирование этих разнонаправленных тенденций в российском модернизационном процессе, как нам представляется, существенно затрудняет его осмысление.

Еще одна общая особенность движения России к современности в сравнительно-страновой перспективе заключается в долго существующих и глубоких культурных и идейно-политических расколах общества в его отношении к определенным фазам модернизации (например, преобразованиям Петра I) и к основным направлениям дальнейших эволюционных изменений как самой политики, так и общества в целом. Это качество было отмечено целым рядом исследователей, в т.ч. А.С.Ахиезером, Б.С.Ерасовым, В.Б.Пастуховым и др. Согласно Ахиезеру, социокультурный раскол, пронизавший не только все отношения, институты, нравственность в обществе, но и саму личность, ее мышление, поступки, деятельность, определяет весь путь развития России [Ахиезер 1991].

ВОЛНЫ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ И КОНТРРЕФОРМ

Противоречивые свойства модернизационного процесса в России, пожалуй, ни в чем ином не выражаются столь контрастно, как в его волнообразном развитии через циклы реформ — контрреформ. Наиболее отчетливо такие циклы проявляются, начиная с эпохи Александра I (первых десятилетий XIX в.) и вплоть до наших дней. Почему же именно с этого времени цикличность волн реформирования/контрреформирования стала своеобразным императивом российской модернизации?

За пределами России в тот период Англия, а затем и другие страны Запада вступили в период промышленной революции, приспособление к последствиям которой постепенно привели их к эпохе индустриального общества, или зрелому модерну с его специфическими закономерностями. Промышленная революция, существенно повышавшая потенциал западной цивилизации, представляла собой вызов и угрозу имперскому могуществу России, вынужденной существенно изменить характер своей модернизации.

В самой России тот период был ознаменован прежде всего завершением при Екатерине II петровской волны модернизации, которая не только сломала многие устои традиционного общества, переведя его в принципиально иное — более динамичное — состояние, но и обеспечила упрочение связей России с Западной Европой, прежде всего с политическими и военными составляющими ее развития. Петровско-екатерининская модернизация также создала условия для формирования в России не чисто сословного, но в значительной мере нового, бюрократически-самодержавного государства, которое начало развиваться по собственной логике; иными словами, “государство-класс” стало превращаться в “государство-бюрократию” [Пастухов 1994]. Наконец, именно при Екатерине II впервые в России складывается привилегированный слой, обладающий устойчивым и независимым от государства источником доходов: дворянство освобождается от обязательной военной или гражданской службы и от уплаты налогов, бюрократическое государство всемерно защищает его собственные интересы системой сословных привилегий, монополизируя при этом сферу политики. “Вольность”, дарованная дворянско-помещичьему сословию, отныне не принужденному к служению государству, впервые создает условия для образования социального слоя, способного воспринимать передовые для того времени идеологии, в частности, либерализм. Государство и Общество в России начинают развиваться асинхронно.

Именно совокупность внешних и внутренних обстоятельств придавала в результате столь отчетливую волнообразность ходу российской модернизации с регулярным чередованием реформ и контрреформ. Причем под “реформами” мы понимаем не

просто изменение системы государственного управления (подобное происходило в России практически при всех режимах — от Ивана Грозного до Петра I или Сталина), а по преимуществу либерализацию политической и экономической жизни, на основе которой происходят дифференциация и усложнение политической системы как таковой. Напротив, период контрреформ всякий раз представлял собой более или менее успешную попытку подавления свобод и огосударствления общества, обращения вспять процессов социальной и политической дифференциации, делавшую политическую систему единообразнее и упрощеннее, что было удобно для всеобъемлющего централизованно-бюрократического управления.

Правда, первому циклу российской модернизации через последовательность реформ — контрреформ предшествовал особый период (немногим более четырех лет) царствования Павла I, который попытался ревизовать итоги екатерининского правления, вновь подчинив дворянство государственному служению и лишь в обретенных ранее основ независимости, в т.ч. материальных. Казалось бы, есть смысл начать отсчет циклов именно с данного периода, приняв его за первую контрреформу. Однако контрреформаторский потенциал Павла I оказался ничтожным, и контрреформа (если можно так ее назвать) рухнула, почти не начавшись, и ее стоит рассматривать лишь как фактор, позволивший отчетливо проявиться реформаторскому, либеральному началу правления Александра I. Вместе с тем, не став периодом контрреформ, режим Павла I фактически сформировал своего рода генотип всех будущих российских контрреформ, смысл которых и состоял в первую очередь в удушении всяких основ свободы в стране, в стремлении возродить государственное закрепощение — по разным линиям — социума.

Чередование реформ — контрреформ проявилось в следующих волнах модернизационного процесса в России.

Первый цикл начался с либеральных реформ ранних лет царствования Александра I и проектов государственного устройства М.Сперанского, направленных на развитие государственно-политической системы, а завершился контрреформами Николая I, которые “заморозили” политическое разномыслие и с помощью Третьего отделения поставили под контроль высшей власти всю общественную жизнь империи, а также затянули освобождение крестьян, намечавшееся еще при Александре I, более чем на три десятилетия.

Второй цикл начался “великими реформами” 1860-х годов при Александре II, включавшими не только освобождение крестьян, но и формирование более дифференцированной политики с зачатками разделения властей (судебная, городская, земская реформы), а завершился контрреформами Александра III, которые вновь подавили относительную самостоятельность судов и земства по отношению к самодержавной власти и пресекли становление независимых от автократии общественных институтов, затормозили эволюционный процесс разложения крестьянской общины и неслыханно усилили государственное присутствие в сфере промышленно-финансового предпринимательства.

Третий, наиболее драматичный по своему воплощению цикл был начат реформами С.Витте — П.Столыпина, способствовавшими оформлению разделения властей, многопартийности, отечественного аналога правового государства и форсировавшими распад общины, и завершился контрреформаторской акцией в виде “военного коммунизма”, а также гражданской войной, которые уничтожили преобразования и свободы, развивавшиеся в начале цикла, чрезмерно упростив политическую систему, отныне организованную по военному образцу.

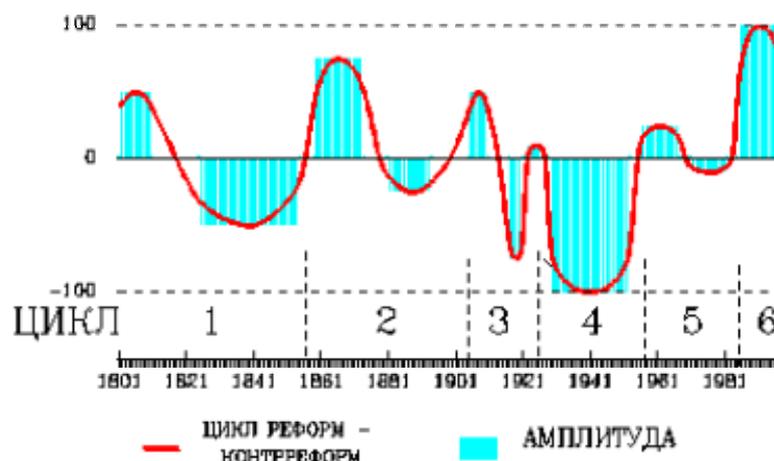
Четвертый цикл, открытый “передышкой” нэпа, способствовавшей некоторой дифференциации монополюльно правившей партии большевиков, окончился “великим переломом”: политическая система стала еще более примитивной в результате полного упразднения разделения властей, ликвидации идеологического и политического плюрализма на основе полного огосударствления политической, экономической и культурной жизни в стране. Вместе с тем даже “полная и окончательная победа социализма” не отменила чередование фаз реформ и контрреформ.

Начало следующего, пятого цикла ознаменовали реформы Н.Хрущева и А.Косыгина по новому частичному раскрепощению общества с попытками изменить систему партийно-государственного управления для ее децентрализации и специализации; конец цикла сопровождался ужесточением политической и идеологической линии при Л.Брежнев и М.Суслове с очередным усилением ведомственного централизма, совмещением постов генерального секретаря ЦК КПСС и главы псевдопредставительной ветви власти — председателя президиума Верховного Совета, подавлением диссидентского протеста и т.п.

Наконец, современный шестой цикл был открыт фазой “перестройки”, положившей начало радикальному реформированию политической системы, включая осуществление разделения властей, формирование многопартийности и демократической выборной системы. В то же время эти политические преобразования в условиях малопродуманных и необычайно тяжелых для населения “рыночных реформ” вновь способствовали заметному расколу общества, чреватому контрреформаторской реакцией.

При более детальном анализе обнаруживается, что модернизационный цикл в России включает не только “активные фазы” реформ и контрреформ, но и промежуточные фазы перехода соответственно от реформ к контрреформам и наоборот. Иными словами, цикл, или волна, модернизации выглядит следующим образом: либеральные (либерализующие систему) реформы — переход от реформ к контрреформам — антилиберальные контрреформы — переход от контрреформ к реформам.

С учетом сказанного можно дать следующую датировку различных фаз циклов российской модернизации (см. рисунок).

I цикл: реформы (1801-1811) — переход к контрреформам (1811-1825) — контрреформы (1825-1855) — переход к реформам (1855-1859).

II цикл: реформы (1859-1874) — переход к контрреформам (1874-1881) — контрреформы (1881-1894) — переход к реформам (1894-1905).

III цикл (укороченный): реформы (1905-1911) — переход к контрреформам (1911-1917) — контрреформы (1917-1921) — переход к реформам (1921-1922).

IV цикл: реформы (1922-1927) — переход к контрреформам (1927-1929) — контрреформы (1929-1953) — переход к реформам (1953-1956).

V цикл: реформы (1956-1968) — переход к контрреформам (1968-1971) — контрреформы (1971-1982) — переход к реформам (1982-1985).

VI цикл: реформы (1985 — по настоящее время) — ...

Приведенная датировка всех фаз, разумеется, может и должна уточняться, однако она не является произвольной. Почти все “пограничные” даты, разделяющие фазы циклов российской модернизации, соответствуют известным вехам политической и социальной истории России, определившим повороты в развитии государства и общества. Длительность рассматриваемых циклов различна, равно как и амплитуда либерально-реформаторских и антилиберально-контрреформаторских “колебаний”; последняя условно отмечена на рисунке в соответствии с нашей оценкой глубины социально-политических изменений, масштабов усложнения или упрощения политической системы. Отличие результирующей кривой от простой синусоиды объясняется взаимодействием множества внутренних и внешних факторов, которые формируют в итоге интегральную схему эволюционных изменений, сопряженных с модернизирующими тенденциями.

Главной внутренней предпосылкой осуществления модернизационного процесса в России в виде чередующихся волн реформ и контрреформ является, на наш взгляд, характерное для российского государства и общества расщепление культуры, идеологии, общественно-политического уклада жизни на две преобладающие тенденции: радикальный “либерализм”, защищающий права и свободы человека, но игнорирующий социальные проблемы большинства населения, и не менее радикальный “государственный патернализм” (крайняя его форма — государственный социализм), якобы покровительствующий “маленькому человеку”, однако пренебрегающий экономическими и политическими правами и свободами граждан и не позволяющий вырваться гражданскому обществу в целом. Подобная расщепленность эволюционных тенденций вместо их необходимого синтеза создает весьма устойчивое чередование реформаторских и контрреформаторских волн в развитии российского общества и государства, включая и противоречивое развитие общественного сознания, которое не способно достичь уровня генерализации ценностей. При этом происходит периодическое чередование фаз усложнения политической системы, усиления ее дифференциации и фаз ее упрощения в рамках того или иного авторитарного либо тоталитарного режима, контролирующего основные политические институты и процессы в стране.

В самом общем виде события на протяжении каждого цикла модернизации идут по следующей схеме. Достигнув в ходе контрреформ предшествующего цикла крупных успехов в усилении власти, укреплении более или менее централизованного политического режима внутри страны и статуса великой державы во внешней политике, российское государство, играющее роль основного субъекта преобразований, теряет инициативу, впадая в “застой” и претерпевая ощутимые неудачи на международном уровне. Эта ситуация вынуждает к пересмотру и постепенному повороту государственного курса, стимулирует власть на реформы, призванные ослабить государственное закрепощение всех слоев общества внутри страны, разбудить задвленную частную инициативу, “оживить” общество в идейно-политическом плане, дать некоторую свободу рыночным отношениям и предпринимательству.

Важно и то, что реформы, столь регулярно вносящие изменения в развитие страны, вряд ли стоит расценивать только как безусловное благо России. Они по преимуществу отражают слабость и нестабильность российской политической системы, поскольку чаще всего представляют собой попытку весьма болезненным и “революционным” путем исправить сверху последствия контрреформ. Более того,

государство присваивает себе столь великую роль в реформировании именно потому, что предшествовавшая контрреформа почти лишила общество каких-либо сил и способности к самоизменению, а значит — это общество само не в состоянии инициировать необходимые преобразования. Оно в лучшем случае может своим пассивным отношением к деятельности прежнего режима облегчить его падение. Тем самым обессиленное и политически обескровленное предшествовавшими контрреформами и господством жесткого авторитарного/тоталитарного режима общество уступает инициативу в проведении реформ государству.

Известная повторяемость содержания каждого из выделенных нами циклов показывает, что оживление идейно-политической жизни всегда происходит за счет частичного распада устаревающей государственной идеологии и прежнего политического диктата государства, а активизация предпринимательской деятельности — на основе фрагментарной деструкции государственного сектора, уменьшения прямого вмешательства государства и автократов в экономику. Тем самым латентная социокультурная, идейная и имущественная дифференциация, существовавшая и прежде, но подавлявшаяся государством, высвобождаясь, склонна проявлять себя и концентрироваться в политической сфере. А это, естественно, нежелательно и для реформаторов, и для государственной бюрократии в целом, и для большинства общества, не готовых к такой быстрой социальной и политической дифференциации, чреватой дальнейшим расколом. И вот постепенно, через ряд переходных колебаний общественных настроений и период политической нестабильности, страна вступает в новую фазу, или волну, цикла — начинается движение к контрреформам. В конце периода реформ государство как бы исчерпывает свой властный потенциал и от него перестают поступать модернизационные импульсы обществу, нарастают анархия и социальное брожение, а механизм управления разлаживается. Контрреформа вроде бы предлагает спасительные средства для возрождения управляемости и социальной стабилизации. Образование новой государственности взамен исчерпавшей себя в реформах есть главное содержание и суть российских контрреформ.

Вместе с тем контрреформы в России — это не “реформы со знаком минус”, а своеобразный способ разрешения общественных противоречий, порожденных предыдущими преобразованиями. Непоследовательная, неподготовленная либерализация и вызываемая ею резкая социальная и политическая поляризация всякий раз фатально не столько лечат, сколько калечат российское общество, раскалывают его, прокладывая дорогу очередному контрреформатору. Одновременно контрреформы — это продолжение уже начатой волны модернизации государственно-административной, военной и хозяйственной систем, но другими средствами, которые по обыкновению присущи жестким авторитарным или тоталитарным режимам. Ценою нового более или менее строгого государственного закрепощения различных слоев общества, удушения ранее “дарованных” государством свобод и послаблений частному хозяйственному интересу, а также посредством нерациональной траты людских и природных ресурсов эти режимы добиваются успеха в осуществлении краткосрочных целей государственной и военной модернизации, усиления мощи российского государства внутри и вовне, но через определенное время опять-таки с неизбежностью обнаруживается историческая недолговечность успехов этого модернизационного рывка. И после фазы “застоя” страна вновь вступает во время подготовки к новым реформам. При этом достижения государства в фазе контрреформ каждый раз способствуют образованию все более широкой и прочной социальной базы последующего либерально ориентированного реформаторства, поскольку новый государственно-бюрократический слой, возникающий в период контрреформ, развиваясь, оказывается заинтересован в преобразовании своей власти в собственность, стало быть — в либерализации режима.

Важно подчеркнуть, что каждый цикл реформ — контрреформ отнюдь не возвращает общество и государство в исходное состояние, а все-таки продвигает их по пути модернизации, хотя и односторонней, не выполнившей всех вмененных ей задач.

Так, в результате реформ Александра I и контрреформ Николая I в России вместо дворянского государства возникло более приспособленное к изменившимся условиям бюрократическое государство, появилось сословие разночинцев, сыгравшее немалую роль в дальнейших политических событиях. В итоге реформ Александра II и контрреформ Александра III в России были созданы условия для начала индустриализации и усложнения политической системы. В результате реформ Витте — Столыпина и, казалось бы, полностью перечеркнувших их революционных и послереволюционных преобразований был осуществлен гигантский социальный и политический переворот — на месте сословного государства и во многом еще патриархального общества возникло новое государство, способное на форсированную индустриальную модернизацию, и обновленное бессословное (хотя и не бесклассовое) общество. Наконец, представлявшиеся непродуктивными реформы Хрущева — Косыгина и контрреформаторский “застой” на деле привели к тому, что общество в России впервые стало урбанизированным, индустриальным, стимулированным к более динамичному развитию с опорой уже на весьма существенную политическую и социальную дифференциацию. Таким образом, эволюционная схема России отражает не движение по замкнутому кругу, как это иногда представляется, а постепенный прогресс в деле модернизации.

ПУТЕМ ВЕЛИКИХ ПОТряСЕНИЙ

Какова цена такого продвижения вперед, к зрелому состоянию современного общества?

Волнообразная модернизация через циклы реформ — контрреформ является, безусловно, чрезвычайно нерациональной моделью развития. Ее осуществление потребовало огромных человеческих жертв и растраты богатейших природных ресурсов страны, хотя до сих пор — почти за три века — не привело к завершению модернизационного процесса, к формированию полностью современного общества и государства, а также не смогло обеспечить вхождение России в число наиболее развитых стран мира, на что она с полным правом способна претендовать. Каждая российская контрреформа (за исключением, возможно, последней — брежневско-сусловской) имеет своим началом, по сути, национальную катастрофу (будь то “революция сверху”, как в 1825, 1881, 1929 гг. или “снизу”, как в 1917 г.). В отличие от европейских российские революции характеризует исключительная последовательность в отрицании прежнего опыта, в разрушении ранее сформированных политических и социальных институтов. (Именно поэтому, заметим, в России оказалась невозможной Реставрация.) Если в ходе российской модернизации и преодолеваются досовременные культурные и политические ограничители, то очень неорганично, так что трудно удержаться от мысли: после такого “преодоления” Россия всякий раз заново представляет собой некую культурную и политическую *tabula rasa*, поле для следующих модернизационных экспериментов. И если она оказывается в проблемно-политической ситуации выбора между действительно эволюционным путем (например, таким, к которому призывал Столыпин) и путем “великих потрясений”, то страна, как правило, по самым многообразным причинам устремляется не по первому, а по второму. Тем самым раз за разом подтверждается: политическая традиция России есть отрицание эволюции 4.

Перемены, современниками которых мы являемся, казалось бы, не дают оснований для столь неутешительного вывода. Тем более что существует и другое мнение, представленное, например, в работах В.Пастухова, который полагает эволюционно оправданным каждый шаг российской истории периода модернизации. Согласно этому подходу, взгляд на российские контрреформаторские крушения как на инволюцию неверен, ибо обусловлен непониманием того, что “азиатская” по своей природе власть выполняла функцию распространения в обществе европейской по форме культуры” [Пастухов 1992: 72]. Проблема, на наш взгляд, сложнее, поскольку сама природа главного субъекта российской модернизации ставит под вопрос ее итог. Каким суждено быть российскому модерну? Погребет ли он национальную культуру под поверхностно усвоенным западничеством (распространение которого стимулировало по-азиатски деспотическое государство) или же творчески преобразует воспринятое им национальное культурное наследие? Если избран

первый вариант, то в чем тогда смысл эволюции? Разве в построении будущего “на костях” целых социальных страт, выбитых из жизни, поскольку они якобы выполнили уже свою историческую миссию, но на деле так и не успевших созреть, а значит сохранить себя в политической культуре, которая во многом определяет специфику самой политики?

В этом контексте весьма показательна ценностная “эволюция” самых политически активных групп российского общества — и выступающих первопроходцами реформ, и вырастающих в условиях преобразований в политическую силу, готовящую будущую контрреформацию. Если рассмотреть этот процесс на примере драматичного III цикла модернизации, то из всего многообразия характеристик внутренне противоречивого типа “русского интеллигента XIX века” в новом “советском культурном типе” проявилась лишь его “бесовская” компонента, а все иное, тяготеющее к усложнению, к качественному росту, — было утрачено. Политическим авангардом России в момент революционной катастрофы оказались “бесы” интеллигенции, которые увлекли отуманенный войной народ и его руками уничтожили и прежнее государство, и наметившуюся социальную дифференциацию отчасти модернизированного социума, и самих себя... Заметим, что именно эта “бесовская” компонента российской интеллигенции трактуется подчас либо как итог ее развития, либо как ее квинтэссенция: “Именно в большевизме присущие российско-интеллигентскому типу черты воплотились в наиболее адекватном, очищенном от исторических случайностей виде. Большевизм знаменует собой завершение культурного развития интеллигенции” [Пастухов 1992: 69].

На примере политической судьбы этого особого культурного слоя российского общества, который возник, согласно Пастухову, в конце XVIII — начале XIX в. [см. 1992: 67–69], т.е. в то же время, когда сформировалась ритмика модернизации через волны реформ — контрреформ, мы можем проследить ее специфический механизм, когда каждый новый цикл оплачен уничтожением социального слоя, выступающего главной движущей силой преобразования.

Итог такой эволюции всякий раз самоубийствен для ее субъекта. Механизм ее, с одной стороны, — в экспансионистском захвате государством общества, а с другой — в упразднении власти, если понимать ее как некую субстанцию, дистанцированную от общества. Да и эволюцией данное движение можно называть лишь условно 5.

Так в чем смысл эволюции — в следовании призыву присвоенного коммунистами гимна “до основанья, а затем...” или же логике накопления и приумножения, все более усложняющейся структуризации отечественной политики?

Именно потому, что мы с определенностью склоняемся ко второму, в отличие от В.Пастухова, нам представляется недостаточным ограничиться позицией беспристрастного диалектика истории, в которой все действительное разумно и настоящее вырастает как логическое завершение прошлого, а прошлое, в свою очередь, получает исчерпывающее оправдание уже только потому, что оно предшествовало настоящему и так или иначе легло в его основу. Правда, все возражения против такой позиции снимаются универсальным тезисом о том, что “история создает даже тогда, когда разрушает” [Пастухов 1992: 70]. И тем не менее мы полагаем необходимым различать в “творчестве истории” акты разрушения и акты созидания, и в связи с этим особо акцентируем наличие в российской модернизации фаз контрреформ (исторически отнюдь не случайных), в которых, говоря языком диалектики, осуществляется “дурное” отрицание предшествующего опыта, отрицание без “снятия”, что, собственно, и обуславливает столь медленное и мучительное продвижение России к модерну. Здесь, видимо, и кроется разгадка необычайной длительности российского модернизационного процесса: он идет путем зигзагов и многократной смены направлений развития, которые неизбежны в ходе чередующихся реформ и контрреформ.

В определенной степени разные сочетания модернизационных и контрмодернизационных процессов характерны для любого движущегося к современному состоянию общества, включая и страны Запада в период от Реформации до середины индустриальной эпохи 6, но именно в России эти

колебания приобрели настолько большую амплитуду, что угрожают разрушить системную целостность общества и государства. В связи с этим можно предположить, что переживаемый Россией современный цикл реформ — контрреформ, скорее всего, окажется последним, поскольку человеческие и природные ресурсы для столь расточительного способа политического и экономического развития во многом уже исчерпаны. Но результаты длительного процесса модернизации в России могут оказаться принципиально отличными от аналогичных для западной цивилизации.

НЕКОТОРЫЕ ВАРИАНТЫ БУДУЩЕГО

Прежде всего Россия может не выдержать бремени соревнования со странами Запада, на протяжении долгого времени бывшего одним из главных двигателей ее модернизации путем “революций сверху”, и спуститься до уровня стран третьего мира. В этом случае возможны политические контрреформы в интересах финансовой олигархии и компрадорского капитала. Подобные многократно описанные тенденции несомненно присутствуют в современной российской ситуации, но они обусловлены даже не столько серьезными экономическими трудностями, сколько непрекращающейся борьбой различных кланов и групп внутри политической элиты. Такая борьба, как показывает опыт модернизации и самой России, и других стран, может быть прекращена или введена в русло нормальной конкуренции либо путем выработки пакта о согласии между различными группами, в т.ч. оппозиционными нынешней правящей группировке, либо путем использования верховной властью такой формы влияния, как принуждение их к ограниченному сотрудничеству под эгидой (полу)авторитарного режима, либо, наконец, путем установления режима тоталитарного типа, уничтожающего сами эти сопротивляющиеся группы и распространяющего свой контроль на все сферы жизни общества. В современных условиях нельзя исключить ни одно из этих трех возможных направлений дальнейшего развития событий, но, учитывая исторический опыт России, ментальность и рядовых россиян, и политической элиты, более вероятными представляются второй и третий варианты.

Понятно, что и установление на волне очередных контрреформ режима с выраженными авторитарными характеристиками, и возникновение “нового тоталитаризма” является гораздо менее предпочтительным (оптимальным) для будущего российской политики, чем достижение согласия между властвующими и оппозиционными группами в условиях сохранения демократических институтов. Но при слишком глубоком расколе в обществе и неснимаемых противоречиях между властью и оппозицией приходится констатировать явный дефицит готовности к консенсусу, несмотря на все призывы и благие пожелания. К сожалению, наиболее вероятный выбор политического режима в ближайшем будущем для России — между той или иной формой авторитаризма и тоталитаризмом, т.е. выбор между плохим и худшим (в т.ч. в смысле оценки промежуточных результатов модернизации). При этом нет никакой гарантии, что авторитаризм или полуавторитаризм не превратится спустя некоторое время в тоталитаризм. Главным способом противодействия этому может быть, по-видимому, социальное движение за сохранение современных политических и экономических свобод, способное найти себе массовую поддержку в силу устойчивого нежелания большинства российских граждан потерять эти свободы даже во имя обеспечения порядка в государстве [см. Лапкин и Пантин 1997]. Но здесь мы остановим свой очерк перспектив развития, так как прогностические сценарии не входят в задачи данной статьи.

* * *

Анализ российской модернизации как волнообразного, а не линейно-поступательного процесса приводит к выводу о его значительно более сложном характере, чем принято в описаниях классической теории модернизации. Нерадужная перспектива вполне вероятного в ближайшее время политического контрреформаторства определяется прежде всего кризисной ситуацией, которую переживает российское общество и — шире — российская цивилизация. В то же время предложенная аналитическая модель указывает на реальную возможность того, что российское общество после завершения последнего, VI из выделенных нами циклов реформ — контрреформ станет, наконец, по-настоящему современным, а

политическая система в России — более сложной и дифференцированной, способной обеспечить сосуществование различных идей, концепций развития, партий и элитарных групп, — на этот раз без разрушения целостности общества и государства. Сумеет ли российское общество реализовать эту возможность и тем самым вписаться в более сложную, нежели чередование циклов реформ — контрреформ, парадигму эволюции, характеризующуюся сочетанием тенденций модерна и постмодерна, зависит по преимуществу от осовременивания его социальной структуры, а также от политической зрелости интеллектуалов, их гражданской ответственности, о которой говорил Р.Дарендорф [1997].

1. Ахиезер, А. 1991. Россия: критика исторического опыта. Т. I, II, III. М.
2. Бусыгина, И. 1995. Постмодернизм в Москве. — Полис (№ 6).
3. Дарендорф, Р. 1997. Гражданская ответственность интеллектуалов: против нового страха перед просвещением. — Полис (№ 6).
4. Дугин, А. 1998. От имени Евразии. — Московские новости (№ 7).
5. Лапкин, В. и Пантин, В. 1997. Русский порядок. — Полис (№ 3).
6. Парсонс, Т. 1997. Система современных обществ. М.
7. Пастухов, В. 1992. Будущее России вырастает из прошлого. — Полис (№ 5-6).
8. Пастухов, В. 1994. От государственности к государству: Европа и Россия. — Полис (№ 2).
9. Поляков, Л. 1997. Методология исследования российской модернизации. — Полис (№ 3).
10. Чаадаев, П. 1987. Статьи и письма. М.
11. Янов, А. 1997. Тень Грозного царя. Загадки русской истории. М.
12. Яшнов, Е. 1933. Особенности истории и хозяйства Китая. Харбин.
13. Parsons, T. 1971. The System of Modern Societies. Englewood Cliffs (N.J.).
14. Touraine, A. 1988. Modernity and Cultural Specificities. — International Social Science Journal (№ 18).

1 Уже получившее признание в политической науке мнение о переходе самых передовых обществ на стадию постсовременного развития (в постмодерн) разделяется, однако, далеко не всеми исследователями, которые, вслед за Т.Парсонсом (1971), считают, что в ближайшее столетие процесс оформления того типа обществ, которые были названы этим ученым “современными”, будет продолжаться, в т.ч. и на Западе [см. Парсонс 1997: 188].

2 Сходные наблюдения, но на совершенно ином материале см. в интересной работе И.Бусыгиной [1995].

3 Впрочем, некоторые авторы усматривают начала теории модернизации в работах М.Вебера [см., напр. Парсонс 1997: 12].

4 Примерно об этом в свое время писал П. Чаадаев: “Мы так странно движемся во времени, что с каждым нашим шагом вперед прошедший миг исчезает для нас безвозвратно. Это — естественный результат культуры, всецело основанной на заимствовании и подражании. У нас совершенно нет внутреннего развития, естественного прогресса; каждая новая идея бесследно вытесняет старые, потому что она не вытекает из них, а является к нам бог весть откуда... Мы растем, но не созреваем; движемся вперед, но по кривой линии, то есть по такой, которая не ведет к цели. Мы подобны тем детям, которых не приучили мыслить самостоятельно; в период зрелости у них не оказывается ничего своего; все их знание — в их внешнем быте, вся их душа — вне их. Именно таковы мы” [Чаадаев 1987: 38].

5 Иначе можно уподобиться небезызвестному А. Дугину с его проповедью войны как движущей силы истории (“Увы, все великое создается кровью”) и “философией смерти” как онтологического бремени: “Пшеница не взойдет, если не умрет зерно, брошенное в землю” [см. Дугин 1998: 14-15], — эта существенная для идеологических построений данного автора посылка ложна, поскольку весьма далека от понимания истинного содержания жизни как череды возрождений. В живой природе отмирает лишь то, что еще до того успело дать жизнь новому поколению; из мертвого живое не рождается, и если зерно действительно “умрет”, то новый колос никогда не взойдет.

6 Путь Франции к современной политической системе проходил через революцию, террор, империю Наполеона I, реставрацию, новые революции, империю Наполеона III и военный разгром, а путь Германии — через объединение “железом и кровью”, первую мировую войну, Веймарскую республику, нацистскую диктатуру, вторую мировую войну и также военный разгром.